

Кофе

С (ПЕРЦЕМ) КОРИЦЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Рай

Елена Рай
Кофе с (перцем) корицей
Серия «Моё рыжее
(не) счастье», книга 1

*<https://litres.ru/74052003>
SelfPub; 2026*

Аннотация

— Лёш, ты же знаешь, что кофейню я одна поднимала с нуля,
— пальцы рук сводит нервной дрожью, когда я сминая документ
на раздел имущества.

— Я знаю, что при разводе всё совместно нажитое делится
пополам, — без всякого угрызения совести смотрит мне в глаза
он.

— Значит, «пополам»? — выдерживаю его взгляд я. — А как
же квартира?

— Какая квартира, Мельникова? — даже бровью не повёл он.
— Она уже как полгода записана на другого человека.

Что может быть хуже того, чем узнать, что мой муж
переписал квартиру на свою любовницу, чтобы не делить её при
разводе? Или узнать в этой «любовнице» свою студенческую
подругу? Можно опустить руки или Начать с нуля с сексуальным
незнакомцем, в кофе которого я добавила жгучий красный перец.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кофе с (перцем) корицей

Глава 1

Иванна

Откинувшись на спинку кресла, устало прикрываю глаза. Сегодняшний день застрянет в моей памяти, как переломный между хронической усталостью и желанием заснуть прямо за своим рабочим столом.

Вся бухгалтерия лежит на моих плечах. К этому прибавились хлопоты по замене вечерней официантки. У неё заболел ребёнок, и она не смогла выйти в свою смену.

Муж мне говорил, чтобы я не принимала её на работу. Но заверения девушки, что у неё на подхвате бабушки, дедушки, детский садик – дала отгул до послезавтра.

Уж, не настолько я бесчувственная, чтобы не понять всю трудность материнства. Тем более, я тоже с мужем сексом занимаюсь. А от него, как правило, дети получаются. Нужно морально привыкать к детским болячкам. В моём случае, пока только «понимать», как в одной вселенной будут уживаться бизнес и ребёнок.

Мои часики тикают, а муж ещё «не нагулялся».

Собственно, он сейчас на встрече выпускников. То, что я не с ним – я сама виновата.

Ну, если быть честной с самой собой, то я не горела же-

ланием видеть их лица. Я была замкнутой, необщительной, «странной». А мой муж – душа любой компании. Не знаю, что он во мне нашёл, но мы поженились сразу же после нашего выпуска.

— Иванна Николаевна, — окликает меня повар. — Кажется, они что-то ещё желают заказать.

— Да-да, — вскидываю усталый взгляд на мужчину я. — Сейчас подойду.

Разминая шейные позвонки, потягиваюсь. Усталость не снимает, но так я чувствую себя «живее», что ли.

— Мы хотим ещё кофе, — с нахальной улыбкой заявляет юноша мне. — На пятерых!

На языке крутится типа того: «На ночь пить кофе вредно». Не делаю этого. Это моя «касса».

— Американо? — поочерёдно смотрю каждому из парней в глаза. Те только «придурковато» улыбаются на мой пронзительно-вопросительный взгляд.

Да-да.

Я из тех, кто с дипломом на руках считает первокурсников с «придурковатыми» улыбками. Им море по колено. У них от адреналина кровь кипит, а берегов в общении они не видят. То же самое происходит в эту же секунду.

— Давай, ты присядешь к нам, — томно тянет брюнет.

Другие его поддерживают смешками.

— Принесу ваш кофе через пять-семь минут, — вежливо улыбаюсь им и разворачиваюсь на 180 градусов.

— Она старая, — до меня доносятся шепотки юнцов.

— Похер на возраст. Ты на задницу глянь. Сиськи вообще зачёт, — тихо посмеется, кажется тот «брюнет».

— Главное, чтобы рот был «рабочим», — гогочет кто-то из компании. — Свет выключил – ни рожи, ни целлюлита не видно.

Когда за спиной откровенно поднимается гогот, я разворачиваюсь к ним лицом.

Что я могу сделать в подобной ситуации?

Ваш совет?

Я – всё-таки их старше. Проходила школу жизни и понимаю, что у них яйца трещат от спермы в этом возрасте. Вариантов для их наказания немного, но я просто обязана их вам перечислить.

Прекратить обслуживание и попросить их, чтобы те немедленно рассчитались.

Припугнуть своим мужем.

Вызвать полицию.

Попросить извиниться каждому передо мной.

Или Напугать их «взрослой жизнью» своим опытом общения с такими мерзавцами. Спасибо папе, что когда-то отдал меня Олимпиаде Лукиничне на боевое самбо. Он не испугался, что девочка пошла туда, куда отдают преимущественно мальчиков. Как в воду глядел.

— Я тоже люблю темноту, — уверенной поступью направляюсь к выключателю. Щелкаю им, погружая помещение в

полумрак. Из кухни льётся свет, оставляя на полу полосу света. — Пошалим?..

— Тётяшка, не нужно! Извините нас! — вскрикивает блондин.

— Так, я и знала, — якобы разочарованно вздыхаю я. — На словах мы – секс-чемпионы, а на деле теоретики, — включаю свет. — Каждому добавлю по десерту и включу их в чек. Не благодарите.

Зря вы думали, что я «детей» обижу. Эти безобидные. Больше лают, чем кусают. Разрешаю ситуацию мирно.

Повар и его помощница уходят. На мне остаётся касса и недоделанный отчёт. С последним решаю завязать и провести ночь в тёплой постели под любимый сериал. На секс не рассчитываю. Я на него чисто физически не способна в таком состоянии.

— Светка? — торможу напротив панорамного окна итальянского ресторана. Он расположен через дорогу от моей кофейни. Обычно я езжу на такси домой, а тут решила своим ходом на метро. — Глазам своим не верю!

Увидев меня, девушка заметно дёргается. Обмахивается ладонями, пока я гипнотизирую её рассерженным взглядом.

Значит, вот так проходит её больничный с больным ребёнком на руках?! С мужем, в вечернем платье, при макияже и в ресторане?!

— Иванна Николаевна, миленькая, простите, — девушка складывает передо мной руки в умоляющем жесте. — Вы всё

не так поняли.

— Наверное, там вкусно? — бросаю взгляд на вывеску. — У меня всё нет времени сюда забежать даже на обед.

— Вкусно. Очень вкусно, — тараторит она, но быстро замолкает под моим уничижительным взглядом. — Иванна Николаевна, чтобы между нами не было недопониманий Меня попросил Алексей Алексеевич.

— О чём?

— Чтобы у меня «заболел» ребёнок, — опустив взгляд, густо краснеет она.

Обсуждать своего мужа с подчинённой недопустимо.

Пока в моей голове крутятся шестерёнки, обдумывая всю ситуацию, на улицу вываливается Егор (*муж Светы*).

— Девочки, у вас всё хорошо? — голосит звонко для мужчины он.

— Свет, ты иди, — подталкиваю её легонько в спину. — У тебя там ужин стынет. Завтра поговорим.

— Послезавтра, — шепчет она.

— Завтра, Светочка, — давлю тоном «большого начальника». — Мы открываемся в 7:30.

Не потерплю обмана за своей спиной. В голове роем жужжат пчёлы. Они жалят до ломоты в мышцах, причиняя больше душевную боль, чем физическую.

Олимпиада Лукинична учила принимать удары и отражать с преимуществом. Я не лезла в сугубо личное пространство своего мужа, возлагая на него все самые лучшие супру-

жеские качества, а он в мои. Мы сколотили бизнес на доверии. Живём в Москве «бывшими провинциалами». Мы Мы — Какого хуя, Алёша, ты игнорируешь мои звонки? — смотрю в тёмный экран мобилки, сжимая его корпус до скрипа.

**Матом ругаться очень плохо (Иванна совершила гнусный поступок по отношению к моральным принципам многих – простим, потому то «это» было совершено в одиночестве и шепотом, чтобы никто не услышал).*

Я знала, где он.

Поехала туда сразу, как только меня поочерёдно окатили волны паники и ревности.

Просто так муж бы не попросил Свету посягнуть на здоровье своего ребёнка. Значит, боится, что о его секрете узнаю я.

Когда я увидела широкую спину Алексея, облачённую в белую рубашку – облегчённо выдохнула.

Следом показалась белокурая девушка, что расположила свою задницу на коленях моего мужа – сжала кулаки так, что ногти впились в кожу.

— Э-э-э, Лёх, — прокашливается Станислав. — Лёх, Лёха!

— Что?! — нехотя отрывается от Ленки Синичкиной, моей студенческой подруги (*я ещё в те времена распознала гнильцу за скромной улыбкой, поэтому прекратила с ней общение*).

— Ванёк, — прокашливается в кулак Виктор Пономарёв.

— Жена!

— Мы с ней практически разведены, — отмахивается он от наших одноклассников.

Пришла моя очередь «кашлять в кулак».

Глава 2

Мой внутренний мир будто в вакуум засасывает. Ничего вокруг не слышу, кроме своего сердцебиения. Оно стучит в барабанных перепонках. Оглушает своим ритмом. Перед внутренним взором проносится моё прошлое. В нём мои одноклассники часто подшучивали надо мной, называя «мужеподобной».

Из-за чрезмерной физической нагрузки моё тело не имело выраженных женственных изгибов. Смешки сыпались со всех сторон, пока Лёша, мой муж, не пригрозил им. Было смешно с моей стороны, но он хотел казаться в их глазах «мужчиной с яйцами». Мои-то болтались невидимым грузом. Лишний раз их демонстрировать и унижать того, кто вступился – глупо.

Женская мудрость обернулась несчастьем с тем, кто нагадил заочно на свой законный брак.

Падает забрало огненной пеленой.

Никакие установки, внушаемые Олимпиадой Лукиничной со мной не срабатывают. Передо мной «преступник», который плюнул на моё самое сокровенное и оберегаемое. В наш семейный очаг. Разбил лодку любви, выстрелом мне в самое сердце.

Выбрасываю руки с целью атаковать «преступника». Блокирую ему дыхание и кровоснабжение. Этот приём называ-

ется «Гильотина» – эффективный, чтобы показать силу в своих руках над чьей-то жизнью.

Разряды Разряды Разряды

Чувствую, как муж брыкается. Слышу, как кто-то зовёт на помощь. Желая придушить гада на месте, чтобы преподать урок. Важный такой урок, девочки!

ЕСЛИ ЖЕНАТ – ДЕРЖИ СВОЙ ЧЛЕН НА ПОЛШЕ-СТОГО ДЛЯ ВСЕХ, КРОМЕ ЖЕНЫ!

— Ванёк (*ненавижу, когда называют так – ассоциация с мужчиной*), — кто-то очень храбрый пытается ослабить мою хватку. — Да, угомонись! Убьёшь же!

«Убьёшь же, Мельникова! Дурочка маленькая, отпусти его!», — доносится откуда-то из потаённых уголков моей памяти голос Олимпиады Лукиничны.

Резко расцепляю руки, выходя из захвата. Часто моргаю. Когда зрение проясняется, вижу перепуганных людей и «синее лицо» моего мужа. Глазами хлопает – живой.

— Полицию вызвали?! — голосит крепкий мужик справа от меня. — Я с ней не справлюсь. Она чуть ногу мне не сломала!

Точно. Я кого-то пнула, когда мне под руку пытался залезть.

Рефлексы, девочки, рефлексы.

Это как одной рукой закидывать стирку, а другой вытирать задницу у ребёнка (*случайно подслушала разговор двух мамочек, но автор подтвердит, что такое в «природе» бы-*

вает).

— Я больше никого не трону, — чуть качнувшись, упираюсь ладонями в стол. — Вернулась в адекват.

— Девка, ты – молот и наковальня в одном лице! — этот же мужик хлопает меня по плечу как «мужика». — Мне бы с тобой на татами! Я когда-то тоже боевым самбо увлекался. Друг натаскивал для работы — и «бла-бла-бла».

Смотрю в упор на Лену. Она бледнеет. Её не трону.

«Слабых бить нельзя», — шепотком Олимпиады Лукиничны по оголённым как проводам нервам.

— Забирай, — пренебрежительно сплюнув под ноги, возвращаю взгляд на Синичкину. — С таким мужем и врагов не надо. Вы будете отличной парой. Рыбак рыбака Дурак дурака Блудливая козлина настоящую овцу — язык заплетается у меня. — Намёк ты поняла?

— П-поняла, — вздрагивает всем телом, когда я выпрямляюсь во весь рост.

— Не рада была вас видеть, — оглядываю компашку одноклассников, которые никогда и слова доброго мне не сказали без своей выгоды (*списать, попросить, одолжить, подстраховать*).

Сейчас горько жалею, что бросила свою спортивную семью, чтобы стать более женственной и ,наконец-то, увидеть на своих руках длинные ногти миндалевидной формы в алом оттенке.

Ах, какими я глупостями страдала, чтобы нравится свое-

му парню, а ныне кобелине похотливой!

Наряд полиции расталкивает толпу, что собралась вокруг меня. Капитан, как представился мужчина, хмуро смотрит мне в глаза, а потом взволнованным голосом спрашивает:

— Девушка, у вас что-то случилось? — пытается поймать мой взгляд, когда моё сознание, в прямом смысле этого слова, плывёт на волнах ненависти. Я просчитываю следующий шаг, чтобы попытаться как-то жить дальше.

— Он вырвал у меня сердце! — тычу пальцем в синюшную рожу Лёшки. — Арестуйте его! Посадите на цепь! Пусть, скулит от голода и неуёмной похоти, что не смог держать в своих штанах до дома!

По шепоткам до капитана доносятся мои мотивы.

«Жена застучала мужа с любовницей».

«Она его чуть не убила».

«Баба-терминатор».

«Я бы вдул», — кажется это сказал тот охранник, что хлопал меня по плечу. Может, он представляет татами вместо кровати? Кто этих извращенцев поймёт. Наверное, такой же извращенец.

— Не расходимся! — рявкает второй полицейский на толпу. — Сейчас

Под «сейчас» подразумевалась письменная рутина, где мой муж в красках описывал мой захват «Гильотина». На всё я пожимала равнодушно плечами и смотрела в одну точку.

— Иванна Николаевна, вам нужно проехать с нами, —

сдержанно ко мне обращается страж правопорядка. — Ваш муж сейчас поедет снимать Снимать побои.

— Побои? — усмехаюсь я. — Всего-то пережала кровоток дурной крови, чтобы та отхлынула от головы. Надеялась, что «бортовой компьютер» перезагрузится, и он поймёт, какое счастье в моём лице потерял.

— В вашем случае профессиональные навыки – отягчают вину, Иванна Николаевна. Не нужно делать очередных глупых ошибок, чтобы избежать наказания.

— Самую большую уже сделала, — отвожу взгляд в сторону, набирая в грудь кислород, пропитанный табаком, алкоголем и похотью.

Каково же было моё удивление увидеть в отделении полиции моего одноклассника Богдана, которому как на духу мне пришлось поведать самое унижительное падение в своей жизни – выйти замуж за похотливого козла, а не за него после школьной скамьи, влюблённого по уши в меня парня. **Богдан – наш секс-мужчина. Почему в аннотации он записан, как «незнакомец» будем разбираться (мы – жёны ещё те выдумщицы).*

Глава 3

— Богдаш, а ты помнишь, как дёргал меня за косички? — отчего-то столь давнее воспоминание бьёт мне прицельно в солнечное сплетение. Там что-то оживает. Трепыхается, словно крылья бабочки. Разносит по кровотоку искорки детского счастья с примесью первой вспышкой злости по отношению к мальчикам.

— Да-а-а, такое не забудешь, — обхватывает губами горлышко бутылки. Делает пару глотков, не сводя с меня взгляда. Оно безалкогольное. То ли от физической усталости, то ли от эмоционального истощения – меня рубит так, будто оно «алкогольное». — Ты мне втащила так, что выбила одним ударом молочный зуб.

— Ой, было больно? — этот фрагмент из моей памяти выпал.

— Настолько, что решил пойти в ученики к Олимпиаде Лукиничне, — передразнивает меня интонацией, как в детстве.

— О-о-о, я помню! Она поставила тебя с семилетним пацаном. Ты тогда дрыщом был! Это потом раздался в плечах так, что после татами променял на ринг — последнее слово вырывается с непонятным для меня низким хрипом.

Я тогда на него так обиделась. Столько лет тренировались вместе, а он в один момент взял и ушёл под покровитель-

ство одного «медвежатника», что случайно забурился на нашу тренировку. В Богдане он увидел потенциал боксёра, но не как самбиста. Масса, рост, разворот плечей, удары – всё, что ограничивало его татами. К большому сожалению, я до сих пор не в курсе, как сложилась спортивная карьера Найдёнова (*Богдана*).

— Наворотил тогда дел, — отводит взгляд в сторону.

— Вы расстались? — стараюсь быть участной в беседе, но, видит Бог, как мне сложно её поддерживать. Воспоминания помимо воли просачиваются через поры, вызывая бесконтрольные мурашки по всему телу.

— С кем?

— С Фимой Кузнецовой, — отражаю его вопросительный взгляд. — Я тогда вас застукала в раздевалке. Вы целовались как голубки!

— Она учила целоваться, — награждает меня кривой усмешкой он. — Не хотел облажаться с другой.

— Да, что ты?! — запальчиво восклицаю я. — Я тогда столько думала об этом, что запоролла спарринг!

— Потом ты перестала со мной общаться и всячески избегала, — пронзительным взглядом вскрывает ларец моих детских секретов. Их там много, что касается него. А также в наличие жгучая обида, пропитанная вспышкой ревности.

— Что было, то прошло, — проговариваю дежурную фразу, которой мы обычно заканчиваем разговор со сроком давности.

— Точно, — распахивает передо мной дверь своего «танка». — Присаживайся, Вань (*только ему позволено переименовывать моё имя*).

Назвав адрес дома, где я живу с мужем, сердце болезненно сжимается.

Как мы будем жить дальше? Под одной крышей? Делить? Эта квартира была переписана на мужа его покойной бабушкой. Лёша меня прописал, как полагается.

Моя мама дала нам деньги с продажи своего домика в деревне, а сама переехала к сестре. Ремонт мы затеяли грандиозный с дизайнерской мебелью. Из унылой двушки мы сделали «конфетку». Настоящее семейное уютное гнёздышко.

Отныне, разбитая лодка любви.

— Давай, навестим Олимпиаду Лукиничну? — выпаливаю жарко, когда Богдан притормаживает у моего подъезда.

— Вань, нам не стоит больше встречаться, — хмуро сводит брови к переносице он. — Я передам дело другому следователю. Попрошу за тебя. Дело спустят на тормозах по возможности до штрафа.

— Почему, Богдаш? — дотрагиваюсь до его плеча с осторожностью.

— Очевидно же всё, — улыбается как в далёком детстве, напитывая свои эмоции чем-то загадочным. Не понимала тогда, и сейчас не понимаю.

Воды слишком много утекло.

— Была рада Рада видеть тебя, Богдаш, — на эмоциях вы-

валиваюсь на улицу, прижимая к груди сумку. — Если чем-то обидела Там В школе Прости. Дурочкой же была маленькой.

Он кивает. Просто кивает. Но его взгляд выдаёт слишком много для скупых эмоций.

— Пока, — срывается с моих губ, когда его «танк» слишком быстро набирает скорость для совершения манёвров во дворе дома.

На холодильнике для меня висело послание.

«Поживу у Лены. Раз тебе стало известно о нас, то ты сама должна понять, что бороться за наш брак больше нет смысла. Бизнес на тебе до моего выздоровления. С разводом решим мирно».

Девочки, что мне делать? Дайте мне совет!

Раскрыть коробку конфет под бокал шампанского? Или что-нибудь расхерачить на будущее счастье?!

Пока вы читаете, я уже влупила стулом о стену. Тот разлетелся на три части. Следом соседи напомнили о своём существовании – битьём по батарее.

Выполнив второй пункт своего вопроса-совета, заела его первым в виде шоколадных конфет ручной работы от Алисы Богатырёвой. Отложила до ПМС, но Кто же знал, что так всё обернётся? Беда «не знает» ни времени, ни места, ни пощады к человеческим чувствам.

Две недели прошли в тотальной запаре. Уволился бариста. Я снова на подмене.

— Лёш, ты же знаешь, что кофейню я одна поднимала с нуля, — пальцы рук сводит нервной дрожью, когда я сминаю документ на раздел имущества.

Сегодня в кофейне непривычно шумно. Чужой смех воспринимаю, как гром среди ясного неба. Смеются надо мной? В такие моменты всё воспринимаешь на своё «уязвимое».

— Я знаю, что при разводе всё совместно нажитое делится пополам, — без всякого угрызения совести смотрит мне в глаза он.

— Значит, «пополам»? — выдерживаю его взгляд я. — А как же квартира?

Снова за нашими спинами разряжается до противного тошнотворный женский смех. У меня тут всё рушится, а кому-то смешно!

— Какая квартира, Мельникова? — даже бровью не повёл он. — Она уже как полгода записана на другого человека. Завтра заменят замки. Старые ключи можешь оставить себе.

Глава 4

— Она уже как полгода записана на другого человека. Завтра заменят замки. Старые ключи можешь оставить себе.

«Она уже как полгода записана на другого человека»

«Завтра заменят замки»

«Старые ключи можешь оставить себе»

Расщепляя его монолог на составные части, стараюсь всё это время попросту дышать. Тот случай, когда сделать вдох кажется непосильной задачей для всего организма. Боль пронзает яркой вспышкой за рёбрами, расчленяя меня по кусочкам.

Ни одно спортивное соревнование не приносило столько страданий, даже когда ломала кости. А тут только от одних слов бросает в холодный пот и чувства бессилия над ситуацией.

— Лёш, ты же знаешь, что в Москве у меня ничего не останется кроме половины кофейни, — внутри кровью обливаюсь, будто органы пропускают через мясорубку. — Знаешь же?..

— Не мои проблемы, — холодно чеканит, отражая мою боль. Принимаю её обратно, и захлёбываюсь новой волной паники.

Мама продала дом, чтобы я жила в достатке «как все люди».

Сестра недавно развелась с алкоголиком. У неё на руках двое детей. Не работает.

Вернуться нет шансов, чтобы не посрамить свою честь.

Мои девочки же гордятся, что я живу в столице, замужем и имею бизнес.

Теперь же у меня с завтрашнего дня не будет жилья, я почти разведена и имею половину бизнеса.

ВСЁ ОЧЕНЬ ПЛОХО!

— Ненавижу, гада... — теряя фокус зрения, что-то ломаю в руках. Кажется, что картонный стаканчик. Я должна была сделать кому-то двойной американо. К заказу добавить круассан с ванильным кремом. И подать заказ с фирменной улыбкой своего заведения. Поправочка, на «половину» своего заведения. То есть, могу улыбаться и убивать взглядом одновременно.

Боже, о какой я глупости сейчас думаю!

— Любовь закончилась, Ванёк. Так расстаются множество пар. Мы не исключение из этого правила, — вгоняет в сердце нож по самую рукоять спокойной интонацией, словно ничего между нами не было.

Пока Лёша задаёт официантке рутинные вопросы, мысленно возвращаюсь к работе. Отдаю заказ. Следом принимаю новый, не поднимая глаз на нового покупателя.

— Здравствуй, — голос Богдана звучит обеспокоенно, хоть и приветственно.

— Здравствуй(те), — почему-то оглядываюсь на Лёшку.

Он – сволочь ещё та, как выяснилось. Не хочется, чтобы из-за меня у Найдёнова были проблемы на работе. Всё-таки мы были знакомы, когда я давала показания, и никто из нас не огласил иного. — Что желаете заказать?

Глаза на монитор.

Вот так из одноклассника я сделала «незнакомца». Причём, очень сексуального незнакомца, если признать очевидное.

Почему я подняла эту тему в своей воспалённой голове в эту секунду? И почему мои щёки опалает жаром?

Это точно от стыда. Ещё не развелась, а думаю о том, как бы заняться сексом с другим. И сейчас не про Найдёнова идёт речь! Да, он сексуален, но он – мой одноклассник и «брат на татами».

— Кофе с корицей, — как приказ отдаёт мне. — Очень горячий.

— Булочку с маком? — помню, как он их любил. По две-три штуки за раз.

— Без.

Готовлю на волне тахикардии. В такой бы момент не рискнула сделать запись ЭКГ. Угодила бы в реанимационное отделение с последующей остановкой сердца.

Не ведаю, что творю (*или вытворяю*). Баночки все так похожи. Приторно-сладкий голос Лёшки раздражает. Неужели, он так всегда разговаривал с официантками? Женский смех за спиной как кнут по моим оголённым нервам. Богдан, как

дефибриллятор по натянутым струнам, что ведут меня туда, где жизнь кипела радостными событиями.

Я на перепутье.

Снова.

Туда-сюда.

Жизнь совершает новый кульбит, чтобы размазать все мои надежды по асфальту огромной кляксой безнадёжности.

Не проходит и двух минут, как Найдёнов задыхается после пары глотков кофе.

— Там перец?! — хрипит, хватаясь за горло.

Успеваю подхватить стаканчик, до того как Богдан оседает на колени. Потом заваливается на бок под всеобщее: «Есть врач»?!

От Лёши не осталось ни следа. Любой кипиш разруливаю я.

— Перец? — делаю глоток, сразу же обжигая нёбо.

Едрить Жгучий красный перец!

— Кто-нибудь вызовите скорую! — переворачиваю Богдана на бок, соображая, как оказать экстренную помощь. В аптечке же что-то было. — У тебя аллергия, да? Сейчас, сейчас, Богдаш.

По мере моих слов дыхание Богдана становится учащённее. Ничего глупее не смогла придумать, как сделать искусственное дыхание рот в рот.

Услышав мычание, резко отстранилась. Он улыбался то ли от моей помощи, или потому что после моих манипуля-

ций потерял сознание. Аккурат перед приходом бригады скорой помощи.

Укол антигистаминного препарата был сделан в кофейне. Далее нас отвезли в больницу, где провели тщательный осмотр.

Выслушав просьбу врачей, Найдёнов всё равно сделал по своему. Отказался от госпитализации. Я же вызвалась сопроводить его домой.

— Прости меня, — присаживаюсь на край дивана, где расположился Богдан. — Я не знаю, как так получилось, что я Что я перепутала корицу с перцем!

Его дыхание снова учащается, будто сейчас начнётся приступ удушья. Склоняюсь к нему, чтобы ЧТО?! Нужно же срочно в скорую звонить!

— Я сейчас! Позвоню! Ох, тебя бы отшлепать по заднице, что из больницы сбежал!

— Вань, — тянет на себя за ворот футболки. — Тормозни, — и смотрит мне в глаза, не мигая.

— Ммм?

— Лежащих не бьют, — после этого прижимается губами к моим губам.

**От автора: надеюсь, что с чёрным юмором про «пи-си-сиси» вы знакомы. Прямо сейчас мог бы быть ХЭ, но То ли действие лекарств, то ли желание помочь Иванна всё-таки избил «лежащего больного».*

Глава 5

Давление между нами нарастает, словно мне шею перехватили в удушающем приёме. Сделать вдох полной грудью не получается. Урывками, когда появляется возможность.

— Богдаш, что мы делаем? — задаю вопрос между пыльными попеременными захватами то верхней, то нижней губы. — Нам нужно оста Остановиться. Потом стыдно Будет всем стыдно.

— Стыдно у кого видно, а мы в четырёх стенах, — хрипит мне в губы совершенно новыми для меня интонациями.

Мой головной мозг воспроизводит другие ощущения в компании Богдана. Там было тепло, как в братских надёжных объятиях. Порой до липкого ощущения одиночества после совместных тренировок. До трепетной радости, когда встречались утром перед школой.

Сейчас Сейчас все мои рецепторы буквально вопят, что передо мной совершенно другой мужчина.

Его руки иначе сжимают моё тело, не как при совершённых приёмах на татами.

Его дыхание сбивчивое и очень горячее, что опалает чувствительную кожу шеи.

Его сердце работает на износ при минимальной физической нагрузке.

Его тело вибрирует желанием, от которого моё отклика-

ется в ответ в самом «спортивном интересе» между мужчиной и женщиной.

— То есть, тебя не смущает наличие моего замужнего статуса, отсутствие жилплощади, будущей безработицы, а также отсутствие справки о ЗППП?.. — раньше мы шутили на тему секса очень тонко. По крайней мере, мне так раньше казалось. — Нечем крыть?

«Нечем крыть?», — наша коронная фраза, после которой мы расходились в разные стороны.

— Ты уже ему не принадлежишь, — с незнакомой для меня яростью выдыхает мне в губы он.

— Мне не нравятся собственнические замашки тому, кому я тоже «не принадлежу», — склоняю голову, меняя траекторию поцелуя. Он нежный. Чувственный. Невесомый.

Знакомство – да. Очень удачное определение к тому, что между нами происходит.

— Ты не изменилась, — прокладывает мокрую дорожку из влажных быстрых поцелуев от губ до мочки уха.

— А ты да ТЫ ДА!

Не пытаюсь скрыть нервную дрожь, что охватила всё моё тело.

Не отрицаю-то, что мне приятны его ласки.

Не хочу думать, что мы могли не встретиться.

Когда-то в далёком прошлом я убежала от неизвестных мне чувств, испугавшись перемен. Позже я пыталась понять, что же я всё-таки испытывала.

С Алексеем ничего подобного не было. Мы зацепились друг за друга. Два провинциала. Две половинки – теперь уж точно не одного целого.

Девочки, не стоит расстраиваться, когда отрезаешь от себя гниль. На её месте обязательно нарастёт новый шма-ток ткани. Новой. Здоровой. Жалко, что со шрамом.

Опыт – положительный или негативный. Иного не бывает.

— Мне бы в ванну, Богдаш, — седлаю его в позе наездницы я.

— Вань, ты даже не представляешь сколько я об этом мечтал. Спущу сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.